

Н. Русова, В. Шевцов

«Я знаю, никакой моей вины...»

Лаконичное и потому особенно пронзительное стихотворение построено как лирический монолог, где настроение колеблется между двумя чувствами: с одной стороны, автор убеждает себя в своей полной невинности перед павшими на полях Великой Отечественной войны солдатами, с другой же — в последней строке пробивается то покаянное ощущение своей вины, которое свойственно всем совестливым людям. Троекратный повтор частицы «всё же», выражающей сомнение, выводит на поверхность сознания далеко скрытое чувство не утихающей со временем боли. Чувство это иррационально — собственно, как мог Твардовский «сберечь» своих соотечественников? — но именно поэтому глубоко и истинно. «Я» — живой и «другие» — мертвые — вот основной конфликт стихотворения, так и не разрешенный в финале (многоточие означает еще и то, что внутренний монолог не прекращен, что еще не раз лирический герой будет сам с собой вести этот мучительный разговор).

Лексическая простота, чуждающаяся «украшающих» метафор и эпитетов, выдвигает в центр читательского внимания напряженное движение чувства, лишенное каких-либо изобразительных эффектов. Повторы («В том, что другие...»; «В том, что они...»; «...и не о том же речь...»; «Речь не о том...») вносят в сбивчивую речь поэта непрочную словесную опору. Элегический пятистопный ямб и широта синтаксического дыхания (текст содержит одно незаконченное предложение) замечательно соответствуют общему медитативному настрою стихотворения.